

Несмотря на малозначительное влияние поездки Дж. Кейр Харди в Индию, рассмотренный комплекс документов о ней является ценным свидетельством проводимой вице-королем Минто и министром по делам Индии Морли политики реформ и репрессий, сочетавшей ограниченную поддержку конституционных устремлений умеренных националистов с суровыми ограничениями деятельности радикального крыла. Предупредительные меры в связи с визитом Харди были неотъемлемой частью курса на сохранение британского влияния в Индии с допущением некоторых внешних послаблений.

1. Hardie, J. K. India, impressions and suggestions / J. K. Hardie. – London : Independent Labour Party, 1909. – 126 p.
2. National Archives of India. – Microfilms. – Home Department. – Nos 23. – Dec. 1907.
3. National Archives of India. – Public Records. – Home Political. – Home political A. – Nos. 50–63. – Feb. 1908.

Канищев В.В.
«ОФИЦЕРЫ-БЕЛОРУСЫ» ИЗ КАДРОВЫХ ЧАСТЕЙ
РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ ТАМБОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.
СТЕПЕНЬ ПОЛНОТЫ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ФОНДОВ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

Ключевые слова: русская императорская армия, офицеры-белорусы, Тамбовская губерния, Первая мировая война, архивные данные.

В данном докладе мы хотели представить анализ жизненных траекторий офицеров, уроженцев Западных губерний Российской империи, территории которых на сегодняшний день целиком или частично входят в состав Республики Беларусь.

Нами были изучены фонды Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), представленные списками по старшинству штаб и обер-офицеров пехотных, кавалерийских и артиллерийских частей, которые располагались в городах Тамбовской губернии. Кроме того, мы постарались проанализировать боевой путь офицеров нашей выборки через фонды учета потерь солдат и офицеров, а также фонды наградных дел отличившихся на полях сражений офицеров.

Благодаря такому виду источника, как списки по старшинству конкретных воинских частей, нам удалось установить полную картину социально-профессионального облика изучаемой нами группы офицеров накануне Первой мировой войны.

Из 38 офицеров нашей выборки 10 были представителями Витебской губернии. По 8 человек представляли Минскую и Могилевскую губернии. Из Виленской и Гродненской губерний оказалось по 6 офицеров.

Сразу хотим оговориться, что мы включали в выборку всех представителей современных белорусских территорий, а в случае с выходцами из Виленской губернии – только офицеров православного вероисповедания, предполагая, что они происходили из тех частей губернии, которые впоследствии оказались частью территории будущей Республики Беларусь.

При оценке возрастных показателей было установлено, что в возрасте старше 50-ти лет службу несли два офицера. В возрасте 55 лет, занимая должность помощника командира полка по строевой части, в 3-м запасном кавалерийском полку расположенном в городе Кирсанове служил представитель виленского дворянства Лев Авраамович Кричинский [3, л. 1об.]. Из дворян Могилевской губернии происходил 52-хлетний подполковник 7-й артиллерийской бригады, располагавшейся в Тамбове,

Александр Станиславович Монвиж-Монтвид [4, л. 4об.]. В возрасте старше 40 лет на службе состояло 10 офицеров. Рубеж в 30 лет преодолели 12 человек, а вот 14 офицеров не достигли этого возраста. Самым молодым оказался 22 летний подпоручик 28-го пехотного Полоцкого полка, дислоцировавшегося в Тамбове, Константин Александрович Адамович [8, л. 25об.].

В сословном происхождении нашей выборки доминируют представители дворянства в количестве 18 человек. Из крестьянской среды происходило 7 офицеров. К мещанскому сословию принадлежало 5 человек. Трое офицеров были детьми священнослужителей, двое оказались детьми чиновников. Из семьи почетного гражданина Витебской губернии происходил штабс-капитан 39-го пехотного Томского полка, расположенного в Козлове, Иван Михайлович Фохт [12, л. 17об.]. Офицерским сыном являлся капитан 7-й артиллерийской бригады Николай Николаевич Радецкий [5, л. 8об.], а вот у подполковника 28-го пехотного Полоцкого полка Александра Павловича Савицкого было записано просто – из граждан Гродненской губернии [7, л. 3об.].

В конфессиональном вопросе было установлено очевидное преобладание представителей православия – 32 офицера. Два офицера 39-го пехотного Томского полка – подполковник Владислав Александрович Вольбек и капитан Александр Фомич Шукевич – оказались католиками (оба из Витебской губернии) [9; 12, л. 5об., 8об.]. Еще двумя представителями католической веры оказались могилевский дворянин, поручик 6-го запасного кавалерийского полка из Борисоглебска, Павел Петрович Ростовский [1, л. 8об.] и упомянутый ранее Александр Павлович Савицкий [7, л. 3об.]. Два представителя Могилевской губернии – подполковник 23-го саперного батальона Викентий Христианович Шитц [2, л. 1об.] и поручик 40-го пехотного Колыванского полка Владислав-Иосиф Иосифович Шимановский [15, л. 19об.] (оба служили в Моршанске) – оказались лютеранами.

Большинство наших офицеров изначально готовилось к военной карьере и прошло обучение в различных учебных заведениях военной ориентации: военные прогимназии, гимназии, школы и кадетские корпуса. Их оказалось 17 человек. Десять человек получили образование в домашних условиях. Девять будущих офицеров получили образование в различных гражданских школах, гимназиях и училищах. Самым ярким примером оказался подпоручик 40-го пехотного Колыванского полка Косьма Игнатьевич Гринкевич-Судник, который окончил Бобруйскую школу садоводства и огородничества [16, л. 26об.]. Интересным оказался дальнейший военный выбор у трех представителей духовного сословия, которые изначально двигались по пути своих отцов. Штабс-капитан Василий Николаевич Королев из 39-го полка получил общее образование в Витебской духовной семинарии [11, л. 14об.]. Его сослуживец, поручик Константин Михайлович Чауш, окончил аналогичное заведение в Минске [13, л. 21об.], и там же обучался поручик 40-го полка Феофан Иванович Шеметилло [15, л. 19об.].

География военных училищ, которые оканчивали офицеры нашей выборки, довольно обширна. От Западных губерний до Закавказья, и от столичных до провинциальных военных учебных заведений. Хотим отметить, что самыми популярными оказались Виленское пехотное юнкерское училище – 9 выпускников, а также Одесское пехотное юнкерское училище и Павловское военное училище выпустившие по 5 офицеров каждое. Высшее академическое образование до войны получил лишь упомянутый ранее Викентий Христианович Шитц, который окончил Николаевскую инженерную академию [2, л. 1об.].

Только у 9 офицеров в качестве боевого опыта называлось участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. При этом у упомянутого выше Ивана Михайловича

Фохта [12, л. 17об.], а также у братьев Моисеенко из 27-го пехотного Витебского полка [6, л. 12об.], было отмечено, что в сражениях они не участвовали.

Практически у половины офицеров отсутствовали какие-либо награды. Стоит отметить, что не бывавший в боях полковник Кричинский за 35 лет службы заслужил три ордена [3, л. 1об.], а вот капитан Радецкий за 18 лет был удостоен пяти орденов, три из которых он заслужил за участие в кампании на Дальнем Востоке [5, л. 8об.].

Последнее, на что мы хотели бы обратить внимание, анализируя довоенную биографию наших офицеров, это их семейно-демографическое положение.

Семейные отношения успели оформить более половины офицеров – 22 человека. У 16 офицеров сохранялся внебрачный статус. Причем только поручик Адамович имел возрастные ограничения на вступление в брак, не достигнув 23-летнего возраста [8, л. 25об.], чего нельзя сказать о капитане Шукевиче, которому было 43 года [10, л. 8об.].

В вопросах отцовства преуспел подполковник Вольбек, который к 48 годам имел пятерых детей [9, л. 5об.]. Отметим, что у 8 офицеров состоящих в браке детей не было. У кого-то это, возможно, объясняется недавним созданием семьи, другие причины остаются неизвестными.

Сохранившиеся списки по старшинству от 1915, 1916 и 1917 гг. частично позволяют проследить жизненные траектории офицеров выборки и в годы войны, однако для большей полноты данных мы использовали дополнительные фонды РГВИА, в которых фиксировались потери и награждения.

Стоит отметить, что из 38 офицеров, только четверо не попали на фронт. Ими оказались четыре офицера запасных кавалерийских полков, основной задачей которых была подготовка кадров в тылу. Однако два офицера из 7-го запасного кавалерийского полка все-таки добрались до фронта. Александр Вячеславович Пеликан убыл на фронт 25 августа 1914 г. со 2-м маршевым эскадром 1-го гусарского Сумского полка [14, л. 6об.–7]. С 3 июня 1916 г. он находился в Пятигорске на лечении минеральными водами [18, л. 5об.–6]. Позже был переведен в 502-й пехотный Чистопольский полк в чине капитана. Летом 1917 г. погиб, посмертно произведен в подполковники [26, ящик. 7502-П]. Его сослуживец, ротмистр Гортинский, оказался при штабе Западного фронта в мае 1917 г., а позже был зачислен в резерв чинов при штабе Минского военного округа [17, л. 3об.–4].

Помимо погибшего капитана Пеликана на фронте погибли и умерли от ран еще 8 офицеров, а поручик Давидович умер от ран в лагере для военнопленных в городе Ласк [24, ящик. 7448-Д]. По имеющимся данным, в плену оказались подполковник 28-го Полоцкого полка Вусович [21, л. 7об.], поручик 40-го Колыванского полка Шеметилло [19, л. 26об.], его однополчанин штабс-капитан Юрченко-Казаков [22, л. 45об.], переведенный в 244-й Красноставский полк штабс-капитан Шимановский [20, л. 270], перешедший в 5-й стрелковый полк поручик Гринкевич-Судник [23, ящик. 7445-Г], а поручик 39-го Томского полка Шелихов пропал без вести [27, ящик. 7542-Ш].

Установлено, что 13 офицеров получили различные ранения, по причине болезни выбыл офицер 243-го Холмского полка поручик Мощен [25, ящик. 7492-М], а еще 4 человека находившиеся на фронте оказались невредимы.

За годы войны большинство офицеров заслужили различные награды, а самыми заслуженным кавалером стал штабс-капитан Евтухович, заслуживший 7 наград [28, л. 29; 29, л. 238; 30 л. 459об.; 31, л. 70об. – 71; 32, л. 422; 33, л. 786об.; 34, л. 622об.].

Таким образом, сохранившаяся источниковая база, особенно в части довоенной документации, позволяет создавать практически полный социально-профессиональный портрет российского офицера. Военный период также насыщен

источниками различных фондов, вплоть до 1917 г. Далее по понятным причинам количество данных начинает заметно сокращаться, что создает определенные трудности в уточнении судеб многих офицеров при отсутствии упоминаний о них в последующие исторические периоды.

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 408. Оп. 1. Д. 525. Л. 8об.
2. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 785. Л. 1об.
3. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 787. Л. 1об.
4. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 879. Л. 4об.
5. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 879. Л. 8об.
6. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 880. Л. 12об.
7. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 910. Л. 3об.
8. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 910. Л. 25об.
9. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Л. 5об.
10. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Л. 8об.
11. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Л. 14об.
12. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Л. 17об.
13. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Л. 21об.
14. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 2221. Л. 6об.–7.
15. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 3024. Л. 19об.
16. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 3024. Л. 26об.
17. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 10660. Л. 3об.–4.
18. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 13050. Л. 5об.–6.
19. РГВИА. – Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1188. Л. 269об.
20. РГВИА. – Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1188. Л. 270.
21. РГВИА. – Ф. 16196. Оп. 3. Д. 497. Л. 7об.
22. РГВИА. – Ф. 16196. Оп. 3. Д. 497. Л. 45об.
23. РГВИА. – Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика.7445-Г.
24. РГВИА. – Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика.7448-Д.
25. РГВИА. – Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика.7492-М.
26. РГВИА. – Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика.7502-П.
27. РГВИА. – Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика.7542-Щ.
28. РГВИА. – Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. 14809. Л. 29.
29. РГВИА. – Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. 14809. Л. 238.
30. РГВИА. – Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. 14810. Л. 459об.
31. РГВИА. – Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. 14828. Л. 70об. – 71.
32. РГВИА. – Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. 14835. Л. 422.
33. РГВИА. – Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. 14836. Л. 786об.
34. РГВИА. – Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. 14844. Л. 622об.

Ключарева А.В.
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК О ЖИЗНИ
ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ «ТУЛЬСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»)

Ключевые слова: провинциальная печать, Первая мировая война, губерния, хроника, благотворительность, патриотизм.

Провинциальная печать – важная составляющая общественной, культурной и духовной жизни губернского города. Ей присущи своеобразные черты в связи с особым положением конкретного губернского города Тулы.

Незначительная удаленность от Москвы, возможность быстрого проникновения столичных идей и настроений в среду «ближней провинции», способствуют